

Мытищи как центр русского шаманизма

Абстракции Евгения Чубарова в Русском музее

Коммерсантъ - 2004 - 23 марта - с. 22

ВЫСТАВКА ЖИВОПИСЬ

Отдел новейших течений Русского музея продолжает поиск неизвестных солдат неконформистского искусства — с тем чтобы сделать из них генералов. В Мраморном дворце открыта выставка Евгения Чубарова «Возвращение к беспредметному», на которой представлено более пятидесяти абстрактных полотен, написанных в последнее десятилетие.

Генералу неконформизма и по чину, и за выслугу лет полагаются миф. Поэтому на открытии много говорили о чубаровской «самородности», «энергетике», «первобытности» и прочих метафизических достоинствах. Он из староверов и из башкир — раскольник и шаман в одном лице, а живет в Мытищах. Из шестидесятников. У полуопального скульптора парижской школы Дмитрия Цаплина учились. Подпольщик: между хрущевской оттепелью и перестройкой — в выставках перерыв на двадцать с лишним лет. Ваяет каменных скифских баб. Рисует ламповой копотью.

Кого рисует? «Старых диких»: почвенных, из земли выросших титанов, праматерей и праотцов из незнамо какой мифологии. Подписывает все это, скажем, так: «Скульптор делает свои скульптуры на том свете». По ночам рюкзак с камнями таскает — это у него вроде как фитнес. Хотя, может быть, епитимья. Или сизифов труд.

В мифе время, как известно, спрессовано. Если из мифа вытягивать историю, то получится примерно вот что. Мытищи, Дмитрий Цаплин, бабы, копоть, скульптор на том свете — это тогда, в шестидесятые-семидесятые. Сейчас, кроме Мытищ, только рюкзак с камнями. Между тогда и сейчас — неплохая для почти не известного представителя «другого» искусства карьера, сделанная, надо полагать, на волне перестроечной моды на все наше неофициальное: работы в коллекции Нэнси и Нортон Додж, студия в Берлине — в девяностые годы.

В результате — полный отход от того, за что Евгения Чубарова так любили: от наивности дембельского альбома, от пер-

вобытного эротизма, от страстной и рваной пластики, от замороженного, на скульптуре Мура, «Новой вещественности» и Филонове настоящего экспрессионизма. От того, чему фоном могли бы служить очень разные имена: хоть Владимира Янкилевского, хоть Вадима Сидура. В результате — выставка в Русском музее из нью-йоркской галереи Гарри Татинцяна, торгующей вполне респектабельными Борисом Свешниковым, Ильей Кабаковым и Борисом Михайловым.

Несколько залов завешено огромными — в среднем три на два метра — картинами, сплошь покрытыми маленькими, аккуратненькими, где черно-белыми, а где цветными каракулями, рунами-иероглифами. Не то бабушкин ситчик, не то эскиз обоев. Что ни скажешь про этого Евгения Чубарова, все будет правильно. Обязательно нужно вспомнить про индейско-мифологичного Джексона Поллока — а кто из уважающих себя абстракционистов второй половины XX века про него не вспоминал? Можно вспомнить про жи-

вопись Пенка — даром, что ли, Евгений Чубаров прожил столько лет в Германии? Можно даже вспомнить про опять модного швейцарского шизофреника-педофила Адольфа Вельфли — и тут не промахнешься.

Живопись с богатой предысторией. Добротная и грамотная продукция — чистый евростандарт. И что Евгению Чубарову сейчас абстракция, и что он — абстракционист? Это тогда, во времена хрущевского либерализма, попасть в «абстракционисты и пидарасы» было смертельно опасно. А сейчас абстракция — дело традиционное, респектабельное, консервативное и, в девятости случаях из ста, коммерческое. Висит себе в офисе, красивая, не мешает никому. Нет, конечно, нынешняя чубаровская живопись внушает большое уважение — к чувству цвета и фактуры, к декоративному дару, к тщательности и трудолюбию — говорят, по восемь часов человек у холста простаивает не отрываясь. Но раньше было лучше. А эти красивенькие пиктограммы и правда сизифов труд.

АННА ТОЛСТОВА

Чубаров Евгений

23.03.05